

го, в шестой главе следовало бы дать данные о бюджете монгольского государства по годам после 1990 г., а также удельный вес внешних заимствований, если, конечно, есть такие статистические цифры. Интересно также было бы узнать, повысился или понизился по сравнению с 1989 г. жизненный уровень отдельных слоев населения, каков удельный вес отечественного и иностранного капитала в экономике современной Монголии, какова эффективность работы приватизированных предприятий. Соединение в шестой главе материалов, относящихся к последнему периоду существования социалистической Монголии (1984—1990 гг.) и материалов, характеризующих развитие новой демократической Монголии нерационально, ибо создает путаницу в их восприятии. Наконец, недостаточно полно представлены в указателе монгольские термины, поэтому неспециалисту трудно читать текст. Можно назвать следующие термины: чиновник — харачи-

нец, да — лама, чин — ван, цинь — вань, тушету — гун, далай — ван, цзянь цзюнь и др. Непонятно, кто такой ничи-гэгэн (ничитой), почему в научном тексте используется прозвище гамин — презрительное название солдат и офицеров китайских оккупационных войск (С. 47). Неудачно сформулировано название одного из разделов седьмого параграфа шестой главы. Его следовало бы назвать “Большая роль Японии во внешней политике и экономике Монголии”. В начале пятой главы содержится материал, не относящийся прямо к теме книги.

Высказанные замечания не влияют на общую высокую оценку монографии. Без преувеличения можно сказать, что она является существенным вкладом в мировое монголоведение, ведь аналогичного труда нет ни в одной другой стране. Вызывает сожаление ее неоправданно малый тираж (300 экз.). Книга, безусловно, заслуживает переиздания в дополненном и уточненном варианте.

© 2010

*В. Буров,
доктор философских наук*

**Сила и ограничения: общий взгляд США и КНР
на взаимоотношения между ними
Power and Restraint: A Shared Vision for the U.S.-China
Relationship / ed. by Richard Rosecrance and Gu Guoliang.
New York: Public Affairs, 2009. 272 p.**

Коллективную монографию ведущих американских и китайских политологов о перспективах двусторонних отношений, даже исходя лишь из формальных признаков, по праву можно отнести к революционным публикациям.

Во-первых, впечатляет уровень авторского коллектива, в который с американской стороны входят такие известные ученые как Дж. Най (бывший заместитель министра обороны и высокопоставленный сотрудник Госдепартамента США, автор теории “мягкой” (soft) и “умной” (smart) силы) Э. Фогель (профессор и бывший директор Программы восточноазиатских исследований Гарвардского университета),

Г. Аллисон (директор Центра международных исследований в Гарварде, бывший заместитель министра обороны США), а со стороны КНР — Дун Цзяньхуа (заместитель Председателя НПКСК, бывший глава САР Сянган), Ян Цземьянь (президент Шанхайской академии международных исследований, брат министра иностранных дел Китая Ян Цзечи), Ван Цзисы (директор Института международных отношений (“Института Цянь Цичэня”) Пекинского университета, директор Института стратегических и международных исследований Высшей партийной школы при ЦК КПК, вице-президент Китайского форума реформ) и другие видные политики и ученые.

Во-вторых, что редкость, большинство глав написаны в соавторстве учеными, представляющими обе стороны творческого коллектива, и лишь отдельные главы, посвященные наиболее болезненным и сложным вопросам двусторонней повестки, носят характер комбинации основной статьи и развернутого комментария к ней.

В-третьих, упомянутое исследование стало первым печатным изданием, появившимся после того, как в январе 2009 г. в обеих странах прошли серии официальных и научных мероприятий, посвященных 30-летию установления дипломатических отношений между США и КНР.

Касаясь содержательных особенностей монографии, хочется, прежде всего, отметить, что в целом практически все авторы признают доминирующий характер влияния двусторонних американо-китайских отношений на современную глобальную ситуацию. В этом смысле упомянутая работа предстает как своеобразное продолжение темы “большой двойки” и “чимерики” в исследованиях современных геополитических концепций. Несмотря на то, что оба термина ни разу не появляются на страницах книги, скорее всего из-за опасений китайской стороны предстать соавтором некоего сговора с Вашингтоном, данная тема прослеживается подспудно при анализе как глобальной, так и региональной проблематики.

Структурно монография состоит из двух частей, тематически традиционных для последних изданных как в КНР, так и в США работ по вопросам двусторонних отношений. Первая часть посвящена их общим стратегическим перспективам, и прежде всего проблемам транзита и новых измерений силы в современной глобальной политике и международных отношениях. Исходя из этого в данном блоке ставится вопрос, неизбежен ли в сколь-нибудь обозримой перспективе конфликт между США как нынешним глобальным гегемоном (*established hegemon*) и Китаем как наиболее динамично развивающейся державой (*rising power*). Ответ на этот вопрос авторы монографии пытаются найти в пределах трех исследовательских парадигм: сравнительно-исторической, общей теории международных отношений (прежде всего, теории игр), а также анализируя обширный стати-

стический материал, с использованием которого индексируются различные компоненты совокупной государственной мощи.

Пожалуй, впервые в американской синологической литературе приводятся исторические аналогии современного подъема Китая и ускоренного роста экономики и политического веса США в первой половине XX в., в период, когда глобальным гегемоном считалась Великобритания. Несмотря на то, что, по мнению Э. Мэя (Гарвардский университет) и Чжоу Хуна (директор Института Европы АОН КНР), нынешние отношения между США и Китаем вряд ли станут столь же “теплыми”, как американо-британские периоды “версальско-вашингтонской системы”, позитивный исторический “груз” взаимодействия с Пекином может снова, как это уже было в период после распада советско-китайского альянса и событий 1989 г., послужить фундаментом американо-китайского сближения (С. 17).

При этом, по мнению авторов, в последнее время значительным метаморфозам подвергается и сама структура перераспределения власти в международных отношениях. Происходит явная эрозия таких ее основополагающих понятий, как государство-нация, баланс силы, меркантилистская торговая политика (как форма “игры с нулевой суммой”).

Дж. Най и Ван Цзисы, в свою очередь, пытаются опровергнуть ставшее довольно распространенным в последнее время мнение о “конкуренции” между американской и китайской моделями “мягкой силы”. По их мнению, параллельное развитие этих моделей далеко от игр с нулевой суммой по следующим причинам.

- Распространение компонентов “мягкой силы” Китая не направлено против американских интересов. Кроме того “цветные революции”, первоначально воспринятые в КНР крайне негативно, как некий аналог приписываемой Западу стратегии “мирной эволюции” (*хэпин яньбянь*) в отношении самого Китая, никоим образом не затронули интересы Пекина в этих странах.

- Не находит эмпирического подтверждения версия о том, что Китай стремится заменить западную модель развития своей собственной (т.н. “Пекинским консенсусом”). Напротив, использование ресурсов

“мягкой силы” китайской дипломатии может помочь реализации интересов США в таких странах, как КНДР, Мьянма, Судан.

- Некоторая настороженность Пекина в отношении манифестации “мягкой силы” США носит рефлексивный (оборонительный) характер, что проявляется, прежде всего, в сфере внутренней политики. И наоборот, происходит активное заимствование многих составляющих американской “мягкой силы” по каналам развития академических и научных связей (С. 31—33).

Среди проблемных зон двусторонних отношений, которым посвящена вторая часть монографии, выделяется, прежде всего, проблема Тайваня. Авторы соответствующей главы Э. Фогель и директор Института Тайваня АОН КНР Сюй Шицюань подробно прослеживают процесс эволюции как китайской, так и американской политики в отношении острова, выделяя такие их ключевые этапы, как Шанхайское коммюнике 1972 г., установление дипломатических отношений между США и КНР и принятие Конгрессом США Закона об отношениях с Тайванем (Taiwan Relation Act) в 1979 г., обнародование “шести пунктов” Дэн Сяопина, “восьми пунктов” Цзян Цзяминя (1995 г.) и “четырёх пунктов” Ху Цзиньтао (2005 г.) по проблеме возвращения Тайваня в лоно родины.

Авторы отмечают, что после событий 11 сентября 2001 г. произошло сближение позиций США и Китая в вопросе о поддержании статус-кво в зоне Тайваньского пролива на основе признания всеми сторонами принципа “одного Китая”, развития связей между материком и Тайванем при отложенном статусе окончательного решения проблемы. По их мнению, конфликт может произойти при следующих условиях.

- Усилия КНР разрешить проблему мирными средствами потерпят неудачу в связи с шагами Тайваня, направленными на объявление независимости. Это автоматически приведет в действие статью 8 Закона о противодействии расколу страны, что неминуемо будет означать вовлечение Вашингтона в широкомасштабный конфликт с КНР.

- При наличии возможности мирного разрешения спора Китай применит силу для обеспечения объединения страны силовым путем.

- США поддержат независимость Тайваня военными средствами, а Китай в ответ вынужден будет защищать “то, что он рассматривает как собственный суверенитет и территориальную целостность” (С. 117)¹.

Региональным измерениям современных американо-китайских отношений посвящена глава, написанная директором Программы управления конфликтами и переговоров Университета Торонто А. Александровф и директором Института проблем АТР АОН КНР Чжан Юньлином. Авторы отмечают, что среди основных форм действующих в АТР многосторонних механизмов — организации, соглашения, функциональные механизмы и форумы — Китай и США участвуют совместно лишь в двух последних.

Для российского читателя, вероятно, наибольший интерес могли бы представлять перспективы активизации американо-китайского сотрудничества в рамках ШОС, чему в последнее время посвящено довольно много публикаций и выступлений китайских ученых. Следует при этом отметить, что практически все участвующие в американо-китайском дискурсе ученые из КНР допускают возможность вовлечения Вашингтона в упомянутую структуру. Вопросом, пока не находящим однозначного ответа, является лишь степень и масштабы подобного вовлечения. Авторы упомянутой главы находят функциональные основы таких перспектив в совпадении долгосрочных интересов обеих стран в рамках борьбы с терроризмом и экстремизмом, в планах долгосрочного присутствия США в Центральной Азии, а также в институциональных особенностях самой ШОС, все в большей степени претендующей на статус координационного политического института (institutional means to policy coordination), но не военно-политического союза. Формами американского участия, по мнению авторов, могли бы стать как совместные форумы, так и приглашение Вашингтона в ШОС в качестве наблюдателя (С. 194). В монографии старательно подчеркивается, что именно Китай стоял у истоков как “Шанхайской пятерки”, так и самой Организации, а в настоящее время размещает в своей столице ее Секретариат. При этом замалчивается лидирующая роль России в обеспечении таких важнейших

составляющих нормального функционирования ШОС, как общее пространство безопасности (во всех его измерениях, в т.ч. в пресечении наркотрафика из Центральной Азии и Китая) и общее энергетическое пространство. Впрочем, другой соавтор книги Ян Цземань, напротив, значительно расширяет функциональный список т.н. “великих держав” (great powers), включая в него не только “традиционные”, но также “растущие” (emerging) державы и державы, богатые ресурсами (С. 142).

Не столь очевидны, по мнению совместного американо-китайского авторского коллектива, перспективы стратегического двустороннего сотрудничества в таких сферах, как военные связи и контакты, противодействие распространению оружия массового уничтожения, разработка совместной стратегии выхода из глобального экономического и финансового кризиса, взаимодействие в борьбе с глобальным

потеплением. Так, например, Г. Аллисон считает отказ Пхеньяна от сотрудничества с международным сообществом по нераспространенческой тематике серьезным провалом не только самих шестисторонних переговоров, но и внешней политики КНР в целом, во-первых, как принимающей стороны и гаранта данного многостороннего механизма, а во-вторых, в связи с редукцией стратегических целей Пекина, сводимых лишь к обеспечению благоприятных международных условий для внутреннего экономического роста и недопущению смены режима в КНДР (С. 158—161)².

В заключение хочется отметить, что книга интересна еще и тем, что она дает представление об определенных новых тенденциях в развитии как американской, так и китайской науки о международных отношениях, на что, к сожалению, отечественные синологи пока еще обращают слишком мало внимания.

© 2010

*О. Тимофеев,
кандидат исторических наук*

-
1. Выступая на презентации упомянутого издания, состоявшейся 28 апреля 2009 г. в вашингтонском Центре им. В. Вильсона, Дж. Най подчеркнул, что потенциально к конфликту между двумя странами — по его мнению, маловероятному — могут, помимо тайваньской проблемы, привести непродуманные действия США в вопросе о Тибете.
 2. Следует отметить, что некоторые китайские специалисты начинают признавать политическое устранение Ким Чен Ира в качестве возможного сценария нормализации. Так, например, выступая 31 марта 2009 г. на американо-китайской конференции в Джорджтаунском университете, директор Института международных отношений Фуданьского университета (Шанхай) высказал уверенность в том, что Северная Корея не откажется от обладания ядерным оружием без смены режима.